

ОБ АККАДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Академик АН АрмССР Г. Б. ДЖАУКЯН

В истории науки, в том числе лингвистической, можно наметить два пути развития. Обычным является путь, когда на основании наблюдаемых фактов выдвигается некоторая гипотеза, которая в дальнейшем либо подтверждается, превращаясь в соответствующую теорию, либо отвергается, становясь лишь достоянием истории. Однако имеется и другой путь развития. Тот или иной ученый (иногда и несколько ученых, а зачастую и несколько поколений ученых) собирает и систематизирует факты, пока не объяснимые на основании известных науке закономерностей, при этом не предлагая какого-либо объяснения или предлагая лишь самые приблизительные. Подобной систематизацией фактов иногда начинаются целые направления в науке, становясь основой для открытия новых закономерностей, выдвижения новых гипотез, построения новых теорий. Вот два примера из истории языкознания.

Формулируя свой закон о германском передвижении согласных, Я. Гримм заметил, что во многих случаях н.-е. *р, *t, *k переходят не в глухие, а в звонкие фрикативные; он назвал эти случаи «грамматическим чередованием». В 1873 г. В. Брауне выступил с систематизацией этих случаев в глагольной флексии¹. Именно на основании этого материала К. Вернер сформулировал закон, объясняющий кажущиеся исключения местом первичного ударения².

В 1896 г. П. Кречмер в книге «Введение в историю греческого языка»³ привел в систематизированном виде почти все известные к тому времени факты греческого языка, не вписывающиеся в рамки собственно греческой лексики индоевропейского происхождения и свидетельствующие о вкладе догреческого населения Пелопоннеса в греческую лексику и топонимику Греции. Сам Кречмер придерживался мнения, распространенного среди ученых того времени, что догреческое население Пелопоннеса говорило на неиндоевропейском языке (языках). Начиная с середины 1930-х гг. непредвзятое изучение указанных фактов приводит ученых к убеждению об их явно индоевропейском характере; В. Георгиев, А. Ван Виндекенс, В. Мерлинген, Л. А. Гиндин и другие занимаются изучением догреческого субстрата, пытаются вос-

¹ W. Braune, Über den grammatischen Wechsel in der deutschen Verbal-flexion. „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“, 1, 1873.

² K. Werner, Eine Ausnahme der germanischen Lautverschiebung, KZ, 23, 1877.

³ P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896.

становить лексику языка догреческого населения, показать основные фонетические закономерности и другие его особенности. В частности, указывается на наличие в основном догреческом слое, в отличие от греческого, передвижения согласных, сатемности, изменения * $\delta > a$ и т. д. Своеобразным итогом проделанной работы является книга Э. Фурне⁴, где приведены почти все известные факты «чередования» согласных и выделены слова, не соответствующие закономерностям греческого языка.

Э. Фурне сделал для греческого языка приблизительно то же, что было сделано нами для армянского языка в книге, вышедшей в 1967 г.⁵ Здесь систематизирован почти весь доступный к тому времени материал, имеющий параллели в индоевропейской лексике, но не принадлежащий к собственно армянской лексике. Этот лексический материал выделен на основании изучения собственных закономерностей армянского консонантизма и отграничения слов, обнаруживающих другие закономерности. Как предварительно объяснял автор характер этих слов? Следует сказать, что мы ставили вопрос гораздо шире, чем исследователи греческого языка, сводившие вопрос только к догреческому субстрату. Мы предполагали: «1) древнейшие заимствования из других индоевропейских языков, 2) слова, возникшие в результате субстратного влияния языков индоевропейских и близких к индоевропейским племен и народов (в том числе хайасского и урартского), 3) преобразования основного слоя вследствие наличия древнейших диалектных явлений, 4) опосредствованные заимствования из индоевропейских языков, 5) слова, отражающие закономерности, хотя и характерные для основного армянского слоя, но до сих пор не объясненные»⁶. Автор одновременно думал о возможности неодинакового проведения армянского передвижения различными группами армянского народа (ср. пункт 3). Надо сказать, что, говоря о влиянии (особенно субстратном) «близких к индоевропейским племен и народов», автор имел в виду представителей не только хурритско-урартской семьи, но и, как это видно из книги, вышедшей одновременно с «Очерками»⁷, также другие языковые семьи, входившие в ностратическую общность и находившиеся в отдаленном родстве с индоевропейской: «Все сказанное дает нам основание для включения хурритско-урартской семьи в большую древнейшую общность языков, называемую ностратической или североевразийской (точнее североевразийской). Кроме индоевропейских, сюда включают также уральские (финно-угорские), алтайские,

⁴ E. J. Fourné, Die wichtigsten Konsonantischen Erscheinungen der Vorgriechischen, Haag, 1972.

⁵ Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967.

⁶ Там же, стр. 32.

⁷ Г. Б. Джаукян, Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков, Ереван, 1967.

кارتвельские, семито-хамитские и чукотско-камчатские языки»⁸. Следует иметь в виду, что новый вариант ностратической теории тогда только зарождался и не было достаточной базы для стратификации выделенной автором лексики армянского языка. Лишь после выхода «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча (I—II, М., 1971—1976) появилась некоторая общая основа для дифференциации различных слоев. Так, в нашей статье «О стратификации и хронологизации картвельско-армянских лексических совпадений»⁹ сделана попытка выделения различных слоев совпадений между армянским и картвельскими языками, в том числе наследия отдаленного родства.

Материал, приведенный в «Очерках», не сразу привлек к себе соответствующее внимание. В 1976 г. Дж. Греггин, обсуждая дако-мизийское влияние на армянский язык¹⁰, значительную часть заимствований нашел именно в выделенных нами словах. Позже обратил внимание на отклонения от собственно армянских закономерностей французский ученый Ш. Ламбертери в докладе на Международном конгрессе по арменистике в г. Филадельфии (США) в 1979 г. (случаи отсутствия палатализации в некоторых словах). В том же году советский ученый Л. Г. Герценберг обратил внимание на нашу работу, подходя к ее результатам с совершенно новой точки зрения—с точки зрения индоевропейской акцентологии¹¹.

На основании сказанного нетрудно заключить, что в словах, выделенных нами на основании анализа армянского консонантизма, могут и должны быть также слова семитского (в том числе аккадского) происхождения, если иметь в виду наличие отдаленного родства между индоевропейскими и семитскими языками. При учете индоевропейско-семитских соответствий эти факты должны подтвердить результаты нашей книги, а не противоречить им. Лишь в том случае, если, во-первых, налицо другие закономерности и, во-вторых, исключены: 1) случайность совпадений, 2) влияние других семитских языков, 3) опосредованность заимствований и 4) исторические предпосылки, делающие невозможными подобные заимствования,—лишь в этом случае можно говорить о непосредственном влиянии аккадского языка на армянский. Заглавие новой статьи Н. А. Мкртчяна «Отклонения» от закономерностей армянского языка в свете данных аккадского языка¹² дает основание предположить, что в ней сделано именно то, о чем говорилось выше. К сожалению, как увидим дальше, Н. А. Мкртчян, не имея стро-

⁸ Там же, стр. 170.

⁹ См. сборник, посвященный 80-летию акад. А. С. Чикобава (Тбилиси, 1980). Немецкий вариант статьи был представлен в качестве доклада Международному симпозиуму по кавказоведению в Италии в 1979 г.

¹⁰ *Д. Գրեգին, Դաкоմիզիական հայերենի դակերենից փոխառված բառերի և արմատների փորձ*, «Вестник обществ. наук» АН АрмССР, 1976, 4.

¹¹ «Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков», Л., 1979, стр. 68.

¹² «Историко-философический журнал», 1979, № 4. Под «отклонениями» от закономерностей имеется в виду выделенная нами в «Очерках» лексика.

гих методов доказательства, не дифференцируя разнородных фактов и даже смешивая собственно армянские слова с заимствованиями, еще далек от решения этой задачи. Можно констатировать лишь привлечение им новых фактов, которые только после соответствующей историко-лингвистической обработки могут быть полезными для истории армянского языка и армянского народа.

В «Армянской грамматике» Г. Гюбшмана¹³ аккадские заимствования в армянском не отделены от сирийских. Лишь Р. Ачарян в I части своей «Истории армянского языка»¹⁴, основываясь на материале «Армянского корневого словаря»¹⁵, выделяет их в отдельную группу и рассматривает под заглавием «Ассирийское влияние на армянский язык». Р. Ачарян приводит 27 слов, конечным источником которых считает ассирийский язык: 1) anag „олово“ (ассир. anaku, шумер. naagga, niggi, др.-шумер. anag), 2) berd „крепость“ (ассир. birti, birtu), 3) bur „известь“ (аввил. būlu, ассир. rūlu, откуда греч. πυρός „туф“), 4) gagatʿn „вершина“ (аввил. gag(g)adu, ассир. qaqqadu, шумер. gaggud „голова“), 5) tʿonir „печь, вырытая в земле“ (ассир. tinūru), 6) хисс „келья“ (ассир. ḥuṣṣu „ограда; пристройка, хижина“), 7) kir „известь“ (ассир. gīr? Ср. др.-евр. gīr, араб. jīr), 8) klzi „остров“ (ассир.? Ср. сем. *gzi при сирийск. gazar-ta, араб. jazar, jazīra), 9) kmax-kʿ „скелет“ и 10) kmax-i-kʿ „оплакивание, плач“ (ср. также Камах—город, место погребения царей из династии Аршакидов; ассир. g/k/qi-maḥḥu „гроб“, шумер. ki-maḥ „кладбище“), 11) knikʿ „печать“ (ассир. kinūkki „печать“, kanīku „опечатанное“, аккад. qanaqu „запечатывать, наложить печать“), 12) kšir „весы; вес“ (ассир. gišrinpu „рычаг; весы“, шумер. gišur, gusra „шест, рычаг“), 13) kozer „дитя, ребенок“ и 14) kozrn „верблюжонок“ (ассир.? Ср. араб. jazūr от сем. *gzi, откуда и арм. klzi „остров“), 15) halaw „одежда“ (ассир. ḥalap/bu „покрывать“, откуда paḥlaptu „ткань, одежда“), 16) malux „канат“ (ассир. maḥullanu), 17) maḥaz „начальник царской гвардии“ (ассир. maḥazu „князь, вельможа“?), 18) makʿaril „бороться“ (ассир. maḥaru „противостоять, состязаться, противоборствовать“), 19) mzel „выжимать“ (ассир. mazu „процеживать, выжимать“), 20) nahang „провинция“ (ассир. na-an-ga), 21) uli „верблюды“ (ассир. uldu), 22) urag „тело“ (ассир. ur-ra-ku „каменщик“), 23) tamal(i) „крыша“ (ассир. tamlū, tamlū „балкон“), 24) taracel „распространять“ (ассир. taracu „расстилать, распространять“), 25) ссесс „моль“ (ассир. saṣu), 26) рох „заем“, рохел „изменять, менять“ (ассир. ruḥḥu „изменять, обменивать“, rūhu „мена, обмен, заем; расписка“), 27) kʿalakʿ „город“ (ассир. ka-lakku „ограда, возвышенность“). Кроме этих слов, Р. Ачарян считает возможным допустить также заимствование из ассирийского 28) kaši

¹³ H. Hübschmann, Armenische Grammatik, II, Leipzig, 1897, стр. 281—321.

¹⁴ 2. Աճառյան, Հայոց լեզվի պատմություն, 1, 1940, Երևան, стр. 194—201.

¹⁵ 2. Աճառյան, Հայերեն արմատական բառարան, 1—7, Երևան, 1926—1937, (II изд. 1—4, 1972—1979).

„кожа“ (ср. шумер. *kuš* и араб. *qašc*) и 29) *korlwn* „львенок“ (ср. ассир. *girru* „лев“), хотя их ассирийский источник неизвестен.

Р. Ачарян указывает и на другие слова в армянском языке аккадского или шумерского происхождения: 1) заимствования через иранские: а) арм. *dpir* „писарь, писец, секретарь“ < пехл. *dipir* (др.-перс. *dipi* < аккад. *dupru* „надпись, табличка“, шумер. *dub*), б) *zamb(w)l* „корзина“ < перс. *zanbīl* (ассир. *zabbīlu*), в) *p'ilt'ay* „фитиль“ < турецк. *pilta* < перс. *pītila* (ассир. *patālu* „закручиваться“); 2) заимствования через греческий: а) *sos* „60 лет“ < греч. *σοσος* (ассир. *sussu*, шумер. *šuš* „60“), б) *per* „600 лет“ < греч. *ῥίρως* (шумер. *pēru* „600“); 3) заимствования через неизвестный источник, в котором *š* не переходит, как в греческом, в *s*: *šar* „3600 лет“.

К аккадскому источнику возводятся также некоторые собственные имена: 1) *Nanē* (имя богини; ср. ассир. *Nana*, *Nina*, шумер. *Nin-pi* и малоаз. *Nana*), 2) *Senek'erim*, 3) *Adramelek* и 4) *Sarasar* или *Sapasar*; последние три имени вошли в армянский язык из Библии.

Следующий шаг по изучению аккадского вклада в армянскую лексику сделан Г. Капанцяном в работе «Ассиро-вавилонские слова в армянском»¹⁶. Приводя список Ачаряна и комментируя его, Г. Капанцян считает сомнительным возведение к аккадскому источнику слов *buṛ*, *paḥang*, *taracel*, сам же предлагает 37 других слов, считая их конечным источником аккадский язык: 1) *agarak* „нива; хутор, усадьба“ (аккад.-шумер. *ag/qar* „нива, поле“), 2) *agur* „кирпич“ (аккад. *aguru*), 3) *akur* „мотыга“ (аккад. *arquu* „топор“), 4) *aḷag* „путь, средство“ (аккад. *alaku* „ход, путь, дорога“ при *alaktu* „путь, дорога; перемещение“), 5) *an-* „на, для“ (*an-jeroc* „салфетка“, *an-koḫin* „постель“ и др.; аккад. *ana* „к; для“), 6) *Angeḷ*—имя божества (аккад. *anqullu* „знойный ветер“), 7) *angl* „крепость“ (в топонимике; шумер. *ēgal*, аккад. *ekallu*), 8) *anawt* „сосуд“ (ассир. *unūtu*—по Б. Халатянцу), 9) *astarak* „башня“ (аккад. *lštar*, финик. *Aštar-ta*), 10) *astel* „жениться“ (хурр. *asti-* „жена“ < вавил. *aššatu* „супруга“), 11) *aragi!* „аист“ (шумер. *arīkgilim* „какая-то длинноногая птица“—по Карсту и Сакизяну), 12) *Aralēz*—мифологическое существо (аккад. *arallu* „преисподняя“ + *-ēz*—по А. Сэйсу), 13) *garšapar* „пята“ (шумер. *gir* при урарт. *kur* „нога“ + аккад. *šapal* „под“), 14) *doxn* „воронка, откуда зерно сыплется на жернов“ (шумер. *duk*—детерминатив для сосудов), 15) *el-anēl* „подниматься“ (аккад. *elu* „высокий“ и *elu* „быть высоким; идти вверх“), 16) *Ekeḫik*—название области в Высокой Армении (аккад. *eqi-um* „поле“), 17) *erkar*, *erkaup* „долгий; длинный“ (аккад. *arḫu* „длинный; долгий“), 18) *əst* „по, сообразно“ (аккад. *ištu* „от, из“), 19) *t'eḫ* „куча зерна“ (аккад. *tilu*, *tillu* „холм, горка; развалины“ при араб. *tallun*, сирийск. *tilā*), 20) *calalak* (диал.) при *cuḷak* „ловушка, западня“ (аккад. *šll* „закрывать, покрывать“), 21) *kašar* „взятка“

¹⁶ Գ. Դ շ փ շ Ն զ յ Ն Ն, Ասորի-բաբելոնական բառերը հայերենում, «Известия» АН Арм ССР (обществ. науки), 1945, 3—4.

(аккад. *qašu* „дарить“), 22) *karut* „добыча, грабеж“ (аккад. *ḥbt*, *ḥabātu* „грабить, похищать, захватывать“, *ḥabtu* „ограбленный“, *ḥubtu* „добыча, грабеж“), 23) *karb(n)* — в топонимике: „земельный участок“(?) или „луг“(?) (аккад. *qirubū* „земля, земельный участок; поле“), 24) *kartē* „удочка, крючок“ (аккад. *qastu* „дуга“), 25) *karer* „твердый, жесткий“ (аккад. *kašāru* „связывать, прикреплять“), 26) *krak* „огонь“ (аккад. *gīra* „бог огня; огонь“, *gīru* „огонь“), 27) *ḥa-ḥiḥ/ḥaḥiḥ* „болото“ (аккад. *zaḥu* „болото“(?)), 28) *maḫr/maḫ* „лучина“ (аккад. *meḥu* „вид дерева“; ср. также араб., перс. и др. слова со значением, близким к армянскому), 29) *nar* „нимфа, русалка“ (в женских личных именах *Covi-nar*, *Heḥi-nar*, *Oski-nar*; аккад. *nāru* „река, речной дух“), 30) *šert* „слой“ (аккад. *sarātu* „разрывать, распарывать, расщеплять“), 31) *patarel* „разрывать, распарывать“ (аккад. *patāru* „раскалывать, отделять“), 32) *sakarak* (диал.) „затычка“ (аккад. *skr*, *sakāru* „затыкать, запирать“), 33) *sḫur* „плата, мзда, вознаграждение“ (аккад. *suḫur* при др.-евр. *səkar* „плата“, эфиоп. *səkur* „платный“), 34) *seḥm* „тесный“ (аккад. *salīmu* „союз, дружба“), 35) *cʿaytel/cʿaytēl* „брызгать“ (аккад. *situ* „выход“), 36) *cʿird* „можжевельник“ (аккад. *širdu* „оливковое дерево“(?)), 37) *kʿukʿ* „бато́г, палка для наказания“ (аккад. *kaḫku* „оружие“).

Кроме приведенных слов Г. Капанцян побочно упоминает и другие; так, армянские слова *mask* „кожа“ (аккад. *mašku*), *makʿs* „пошлина“ (аккад. *maksu*), *kačʿin* „топор“ (аккад. *hassīnu*) он считает более близкими к аккадским, чем к сирийским словам, откуда их выводят. Таким же образом он возводит *xaṭtʿ* „жало“ (при *xitʿ-kʿ* „боль“) к аккадскому *hiṭtu* (*hitʿu*) „вина, преступление“, отвергая его этимологию из и.-е. **khait-*. Г. Капанцян возражает против мнения Р. Ачаряна о случайности следующих армяно-аккадских совпадений: 1) *rakeʿil* (*raḥnul*) „бояться“ — *раку* „бояться“, 2) *takar* „бочка“ — *di-qaru* „горшок“, 3) *šamb* „тростниковые заросли“ — *saḥ(m)u* „растение, трава“, 4) *carur* „коготь“ — *supru/supparu* (при др.-евр. *sipproen*, сирийск. *terpa*, араб. *zuḥur* и др.). Ученый считает также правомерными такие сравнения шумерских и армянских слов, предложенные Й. Карстом и О. Сакизяном, как *arīkgilim* — *aragil* (см. выше), *udu* — *awdi* „овца“, *ud* — *awd* „воздух“, *zag* „граница“ — *caḡ* „край, конец“, *aga* „задняя часть“ — *agi* „хвост“ и т. п. и добавляет сходную пару *kū.babbar* „серебро“ — *karar* „свинец“.

Оставляя в стороне некоторые случайные сравнения, а также далекий от действительной науки опыт Й. Карста, старавшегося найти в армянском, как в смешанном языке, наряду с индоевропейскими и другие элементы, и в связи с этим проводившего сравнения между армянским и шумерским, аккадским, хамитскими, финно-угорскими, алтайскими и другими языками¹⁷, следует остановиться на статье «Ран-

¹⁷ J. Karst, *Zur ethnischen Stellung der Armenier*, „Hušarjan“, Wien, 1911, стр. 399—431; его же, *Alarodiens et protobasques*, Strassburg, 1928, и др. Сравнения между армянским и шумерским еще в 1909 г. проводил и О. Сакизян (*Հայկերի ամ-*

Прежде чем перейти к обсуждению приведенных фактов, следует выяснить возможные пути проникновения аккадских слов в армянский язык. Все названные исследователи говорят об опосредованном заимствовании аккадских слов в армянском — в основном через урартский. Р. Ачарян допускает два периода заимствования — до вступления армян в Урарту, когда «влияние ассирийцев на армянский должно было происходить косвенным путем и в небольших масштабах»²⁰, и после вступления, когда армяне усвоили среди урартских слов также ассирийские заимствования. Г. Капанцян говорит о сильном влиянии древнего Междуречья «на соседние народы и через них на армянский»²¹. Он возражает Р. Ачаряну, который озаглавил свой экскурс «Аккадское влияние на армянский», так как аккадцы «ко времени образования армянской народности перестали говорить на своем языке, стали иноязычными и не были соседями армян»²². Н. Адонц, говоря о рассматриваемом

Ծ Հանդես, № 3

им лексическом слое, указывает: «подобные элементы, по-видимому, проникали в армянский язык при переходе армян в Армению или были унаследованы от древнего местного населения после их прихода в страну»²³.

Распространенную точку зрения на возможность лишь опосредованного заимствования аккадских слов армянами нельзя принять безоговорочно. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений, что армяне обитали на территории исторической Армении гораздо раньше VI в. до н. э. и могли входить в непосредственный контакт с аккадцами, если иметь в виду, во-первых, наличие армян в стране Арме-Шуприа²⁴; во-вторых, значительный вес в образовании армянской народности различных народов и племен, известных со времен возвышения ассирийского государства; в-третьих, бытование в урартском государстве армян, имевших, по-видимому, даже правителей на урартском троне (ср. Агамена); в-четвертых, наличие аккадских колоний в Малой Азии и возможность длительного контакта их жителей (особенно купцов) с армянами.

Значительно изменились также наши представления об индоевропейском языке, его родственных связях и древних контактах, о древних территориях обитания индоевропейцев и их дальнейшем расселении. Еще в 1967 г. автор настоящей статьи указывал, что, говоря о «прародине» индоевропейцев, необходимо учесть следующие обстоятельства: во-первых, границы территории обитания индоевропейцев исторически не могли не изменяться; во-вторых, общность индоевропейских племен приходится на время, когда ведущее значение в добычании пищи имели охота и животноводство; в-третьих, даже если отрицать положение об отдаленном родстве индоевропейцев с семитами, т. е. ностратическую гипотезу, все же «несомненные совпадения в лексике дают право говорить об их очень древних контактах. Таким образом, мы должны предположить, что индоевропейцы некогда обитали на территории, соприкасавшейся с территорией, заселенной семитскими племенами»²⁵. Иначе говоря, индоевропейцы первоначально находились, по-видимому, где-то в Передней Азии. Отсюда они могли перейти на место своего дальнейшего обитания, в Европу, незадолго до распада индоевропейской общности²⁶, либо полностью (и затем совершить известные науке переселения), либо, как предполагают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов²⁷, лишь частично. По мнению последних, армян-

²³ Ы. Աղաբաբ, указ. соч., стр. 382—383.

²⁴ Հայ ժողովրդի պատմություն, 1, Երևան, 1971, стр. 237 и сл.

²⁵ Г. Б. Джаукян, Очерки..., стр. 39.

²⁶ Археолог М. Гимбутас («The Indo-European Studies», 1, 1, 1973, стр. 1—16) отличает цивилизацию «Древней Европы», охватывающую 7000—3500 гг. до н. э., от цивилизации «Индоевропейской Европы», хотя и не говорит о том, откуда пришли индоевропейцы.

²⁷ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, Проблемы определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка, «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков», М. 1972, стр. 22.

ские племена в основном продолжали жить на прежней территории обитания индоевропейцев. К сожалению, эта точка зрения пока не подтверждается данными топонимики: топонимика на предполагаемой первичной территории обитания индоевропейцев в основном не имеет индоевропейского характера. Мы уже не говорим о лингвистической стороне вопроса. Что бы ни было, одно остается ясным: армянские племена могли заимствовать аккадские слова как непосредственно, так и опосредствованно. Однако и в этом случае нуждается в доказательстве то, что источником был именно аккадский, а не какой-либо другой семитский язык, если формы их слов совпадают или почти совпадают.

В истории аккадского языка выделяют несколько периодов. Так называемый староаккадский период (XXIV—XXI вв. до н. э.) еще более или менее единообразен, но в конце этого периода уже намечается диалектное различие между ассирийским и вавилонским. В истории каждого из них выделяют несколько периодов: 1) староассирийский (2000—1750 гг. до н. э.), среднеассирийский (вторая половина II тыс. до н. э.), новоассирийский (X—VII вв. до н. э.); 2) старовавилонский (XX—XVII вв. до н. э.), средневавилонский (XVI—XII вв. до н. э.), младовавилонский (конец II тыс., а также архаизированный язык памятников первой половины I тыс.—с сохранением падежных окончаний), нововавилонский (X—VII вв. до н. э.—утрача гласных окончаний, сильное влияние арамейского языка) и поздневавилонский (605 г. до н. э.—начало нашей эры)²⁸. Ясно, что аккадское влияние на урартский язык в основном должно относиться к новоассирийско-нововавилонскому периоду.

Сначала попытаемся установить характер звуковых соответствий армянских заимствований из аккадского.

Для аккадского восстанавливают следующие фонемы. 1) Гласные: а) краткие: а, і, u, e (?), б) долгие: а, і, u, ē (ā, ī, ū, ē); предполагается также наличие редуцированного гласного э, передаваемого через і или е. 2) Шумные согласные: а) взрывные глухие: p, t, t' (эмфатический), k, q (увулярный эмфатический), ' (ларингальный); б) взрывные звонкие: b, d, g, c (фарингальный); в) фрикативные глухие: s, s' (эмфатический, приближающийся к аффрикате), š (средний между s и š), š, h; г) звонкий: z. 3) Сонорные: m, n, r, l, w, j²⁹. Из согласных s и c сохранились только в древнеаккадском. Следует иметь в виду, что различие между b и p, g, k и q, d, t и t', s, š и z не во все периоды развития и не во всех позициях проводится четко. В староаккадском звонкие и глухие почти не различались, в дальнейшем они различались четко лишь в начальной позиции, и то для ru и bu был только один знак; первоначально не было специального знака для q

²⁸ Л. А. Липин, Аккадский язык, М., 1964, стр. 8—9; ср. также Н. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 263—266.

²⁹ Л. А. Липин, указ. соч., стр. 26—29; K. K. Riemschneider, Lehrbuch des Akkadischen, Leipzig, 1973, стр. 18. Ср. также Б. М. Гранде, Введение в сравнительное изучение семитских языков, М., 1972, стр. 312.

(иногда передается через *ḳ*); эмфатические согласные *t*, *ṣ* не всегда отличались от неэмфатических и часто передавались как звонкие. Аккадский язык характеризуется широкой ассимиляцией как согласных, так и гласных (явление типа немецкого умляута).

Сопоставление согласных собственно аккадских слов и корней с соответствующими согласными заимствованных армянских слов начнем с анализа списка Р. Ачаряна. На основании наиболее достоверных случаев (с внесением некоторых поправок в соответствии с современными данными) можно выявить следующую картину (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Аккад.	Арм.	П р и м е р ы
b		
d		
g	k	gīsrīanu > kšīr; *gṣr > kīzi; *gīr > kir; *gṣr > kozer, kozrn
p	p ^c	pūḥu > p ^c ox
t	t ^c	tinuru > t ^c onir(?)
ṭ	t?	
k	k ^c	kalakku > kcaṭak ^c
q	k	qimalḥu > kmax-k ^c , kmaxi-k ^c
(qq)	(k ^c ?)	qunuqu > knik ^c
s	s?	
ṣ	cc	ṣāṣu > cc ^c cc
š	š	(см. выше)
z	z	malhazu > maṭxaz; muzu > mzel
ḥ	x	maḥullanu > malux; pūḥu > p ^c ox
m	m	(см. выше)
n	n	(см. выше)
r	r, r	(см. выше)
l	l, ṭ	(см. выше)
y		
w		

Об остальных случаях можно сказать следующее. Во-первых, аккадское происхождение глаголов tak^caril „бороться“ и tarasel „распространять“ сомнительно, если учитывать, что предполагаемый для первого из них источник maḥāgu далек от него как по значению („брать, принимать; обращаться; противостоять; быть враждебным; сравняться“), так и по форме (k^c на месте аккад. ḥ при более вероятном x, ср. pūḥu > p^cox). Во-вторых, наличие r на месте аккад. l в buṣ „известь“ при аккад. būlu (вавил.) и rūlu (ассир.), g на месте аккад. k в anag „олово“ при аккад. anāku (шумер. naagga), h на месте аккад. ḥ в halaw „одежда“ при ассир. halap/bu „покрывать“ делает эти сопоставления несколько сомнительными; можно предположить для buṣ посредствующее между аккадским и армянским звено, а для

апаг — другой источник, поскольку это — бродячее культурное слово (ср., например, хурр. *apagi* „олово“; источником семитских, хурритского и других слов считается шумер. *apagu*, в текстах *paggu*, из сем. **apaku*); приводимая же Р. Ачаряном глагольная форма *halāru* вообще не может быть непосредственным источником арм. *halaw*, а среди сохранившихся дериватов (*naḥlaptu* „чехол, рубашка“, мн. ч. „одежда“, *taḥlaptu* „одежда“ и др.) нет соответствующей армянскому слову формы (с соответствующим значением). В-третьих, как указывает Г. Капанцян, *paḥang* „область“ не может восходить к аккад. *pa-an-ga*, чтение которого — *paṅga*. В-четвертых, в *gagat^cn* „вершина“ и *berd* „крепость“ при аккадских *gag(g)adu* и *bīrtu* не наблюдается ожидаемого оглушения; по-видимому, следует предположить либо позднее заимствование (после периода оглушения звонких), либо другой семитский источник. Так, аккад. *bīrtu* заимствовано в арамейском в форме *bīrtā*³⁰, которая точно так же может быть источником армянского слова; К. Х. Шмидт возводит *berd* к и.-е. **bherg'h-*. В-пятых, что касается *uīt* „верблюды“ и *xu^c* „келья“, то непосредственным источником первого является, по-видимому, урарт. *uītū* (<аккад. *udru?*), а второе с полным правом может быть возведено к и.-е. **khu-sk-*.

Из приведенных Г. Капанцян и Н. Адонцем слов можно подвести под установленные звуковые закономерности лишь немногие. Из списка Г. Капанцяна приемлемы лишь *sxur* „плата“ при аккад. *suḥur* (ср. в хетт. текстах *SAL.suḥur LAL*) и *c^cird* „можжевелик“, да и то если: а) *sxur* не заимствовано из какого-то сирийского диалекта, как полагает Р. Ачарян³¹, б) предполагаемый для *c^cird* источник — аккад. *sirt* имеет сходное с армянским значение, в) последнее слово, наряду с приводимым Н. Адонцем аккад. *sīrdū*, не является заимствованием из источника, сходного с арм. *c^cird*. Возведение *mak^cs* „пошлина“ к аккад. *maksu* Г. Капанцян и Н. Адонцем и *k^curṣ* „жрец“ к аккад. *kumru* Н. Адонцем, вместо предполагаемых Р. Ачаряном сирийских слов *maxsa* и *kūmrā*, хотя более вероятно, но не вполне достоверно.

Аккадское происхождение остальных слов, приведенных указанными исследователями, особенно Г. Капанцян, сомнительно. Во-первых, Г. Капанцян без достаточного обоснования включает в список аккадских заимствований многие слова, индоевропейское происхождение которых установлено достоверно, и их возведение к аккадскому не может быть обосновано; в некоторых случаях мы, по-видимому, имеем дело с постратическим наследием, ср. арм. *eī-ap-em* „поднимаюсь, выхожу“ (и *eī-ap-im* „бызаю“) из и.-е. **eī-* и аккад. *eīū* „быть высоким, идти вверх“ из сем. **ī-*³²; в других случаях налицо нео-

³⁰ Ср. И. М. Дьяконов, указ. соч., стр. 383.

³¹ *Հ. Աճառյանի, Հայ. արմ. բառարան*, 42, стр. 225.

³² В. М. Иллич-Свитыч («Опыт сравнения постратических языков», I, М., 1971, стр. 274) восстанавливает постр. **ṣal'ā* «перезаливать через гору», хотя вместо

правданное пренебрежение к известным фактам; ср. ап- „на“ <и.-е. *an-, *anō (при аккад. ana „к“), erkar (erkaun) „длинный, долгий“ <*duar- (при аккад. arku), əst „но, сообразно“ <и.-е. *posti (при аккад. ištu „из, от“?), kartc „крючок“ <и.-е. *gṛbti- (при аккад. kaštu „дуга“?), karcr „твердый, жесткий“ <и.-е. *garg'- (при аккад. kašaru „привязывать, прикреплять“). Во-вторых, для собственных имен без достаточного основания предполагаются какие-то близкие аккадским словам значения, или же они возводятся к аккадским словам весьма произвольно. Так, Angeḫ, которое считается именем божества, возводится к аккад. Ankullu (ankullu „злойный ветер“); Angḫ, встречающееся в топонимике, для которого предполагается значение „крепость“, возводится к аккад. ekallu из шумер. ēgal; astarak „башня“, встречающееся и в топонимике,—к форме Aštar имени богини Ištar; имя мифического существа aralēz (по народной этимологии Ara-lēz от lizanel „лизать“)—к arallu „преисподняя“; Ekeḫikc интерпретируется как „поле“(?) и возводится к eklum; не только название поселка Tḫl, но и tḫel „куча зерна“ возводится к семитскому источнику—аккад. tillu, tilu „холм, горка“; для топонима Karḫn восстанавливается значение „земельный участок; луг“, и он возводится к аккад. qirubu „земельный участок; поле“ (собственно „пустошь, пустырь; культурная, но заброшенная земля“³³); для компонента -paḫ некоторых женских имен восстанавливается значение „нимфа, русалка“ и он возводится к аккад. paḫu „река, речной дух“. В-третьих, имеется значительное количество случаев, когда предложенная Г. Капанцяном этимология так же сомнительна, как и предыдущие, и замена одной сомнительной этимологии другой не улучшает положения; ср. agarak „нива; хутор, усадьба“, aragil „аист“, astel „жениться“, garšapar „пята“, maḫr (maḫ) „лучина“, cḫaytel (cḫaytḫel) „брызгать“ и др. В-четвертых, в некоторых случаях значения и/или формы армянских и аккадских или шумерских слов далеки друг от друга: akur „мотыга“—аккад. aqqulu „топор“, doḫn „воронка, откуда зерно сыплется на жернов“³⁴—шумер. duk (детерминатив для сосудов), диал. salalak при suḫak „ловушка, западня“—аккад. sll „закрывать, покрывать“ (ср. арм. с—аккад. s, тогда как в sḫur—suḫur имеет место соответствие арм. s—аккад. s), kaput „добыча, грабеж“—аккад. ḫabatu „грабить, похищать, захватывать“ (ср. арм. k—аккад. ḫ), čahič „болото“—аккад. zaḫu „болото(?)“, samb „тростниковая заросль“—аккад. šam(m)u „растение, трава“, seḫm „тесный“—аккад. salīmu „союз, дружба“, kḫukc „бато́г, палка для наказания“—аккад. kakku „оружие“ и др. В-пятых, в некоторых случаях армянские слова сравниваются с шумерскими, хотя между ними нет

указанного и.-е. корня дает другой и.-е. корень, что менее вероятно. Р. Ачарян (Հայ. արմ. բառաբանություն, 2², стр. 14) отделяет eḫapim от eḫanem и возводит к и.-е. *kḫel- „вращаться; побывать“.

³³ Ср. Л. А. Липин, Аккадский язык, II, Л., 1957, стр. 175.

³⁴ По Ачаряну (Հայ. արմ. բառաբանություն, 12, стр. 677), через doḫ восходит к перс. dōl с тем же значением.

посредствующих звеньев, а вероятность наличия непосредственных контактов армян с шумерами весьма низка: awdī „овца“—шумер. udu, awd „воздух“ (и.-е. *au-dh-)—шумер. udu „день“, уже приведенное aragil „аист“—шумер. arīkgilim „какая-то длинноногая птица“.

Можно было бы говорить о неслучайности совпадений kašar „взятка“—аккад. qašū „дарить“, krak „огонь“—аккад. gira „огонь“ (отвергая возведение krak к и.-е. *gu-r- при *gu-i-), šert „полоса“—аккад. šrt (šaratu) „разрезать, распарывать“ (однако ср. урарт. šerdu „отделять, выделять“), raknūl (rakšūl) „бояться“—аккад. rakū „бояться“, patafel „разрывать, распарывать“—аккад. paṭaru „раскалывать, отделять“, sakarak (диал.) „затычка“—аккад. skr, sakaru „затыкать, запирать“,—если, во-первых, исключить некоторые фонетические трудности (предположить случаи ассимиляции и диссимиляции, узаконить некоторые отражения глухих как глухих, имея в виду колебания в произношении, и т. п.), во-вторых, пренебречь приведенными в скобках частностями и, в-третьих, допустить заимствование некоторых глагольных форм.

На тех же основаниях при допущении колебаний между r(r) и l можно согласиться с сопоставлениями buṛ „известь“—аввил. būlu, ассир. rūlu (Ачарян), kot'oī „стела, столб, обелиск“—аккад. kudurru „пограничный знак, столб, камень“ (Н. Адонц). Возможно также возведение арм. olorn „горох“ к аккад. ḥallūru, однако привлечение сюда греч. *ὀλῶρα* „полба“ (Н. Адонц) сомнительно. Вопрос о семитском происхождении кург „деготь“ и k'urm „жрец“ не вызывает возражений, хотя их безоговорочное возведение к аккадскому (Н. Адонц) сомнительно, если иметь в виду различное отражение одинаковой группы согласных rg>rg и mr>rm (ср. у Капанцяна tagx и maxr).

(Окончание следует)